
ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

В.П. Руднев

10.7256/2070-8955.2013.02.2

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПСИХОТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (ВНУТРИ И СНАРУЖИ)

Аннотация. В статье излагается новый взгляд на психотическое мышление. В частности, основной полагалась проблема соотношений внутреннего и внешнего и взаимодействие между ними. Если ранее считалось, что психоз представляет собой осуществление репрезентации чего-то внутреннего так, как будто это внешнее (проекция, галлюцинация), то в настоящей статье показывается, что на самом деле при психотических состояниях имеет место сложная диалектика того, что находится снаружи, и того, что пребывает внутри.

Ключевые слова: психиатрия, психология, шизофрения, истерия, obsессия, реальность, Фрейд, Блон, галлюцинация, бред.

Будем исходить из того, что *невроз* — это такое положение вещей (состояние сознания), при котором то, что находится снаружи, воспринимается как нечто, что находится внутри, а *психоз* — такое, при котором наоборот то, что находится внутри, воспринимается как то, что находится снаружи. Пример невротического положения вещей — слова Христа: «Царствие Божие внутри нас». («*Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «Вот, оно здесь», или «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас*» (Лк. 17, 20-21)). Таким образом, получается, что невротическое — это интроекция (а психотическое соответственно проекция).

Но не все так просто. Уже в истории Христа, когда Он на Тайной Вечере предложил есть хлеб как Его плоть и пить вино в качестве Его крови, то это была безусловно интроекция или скорее призыв к интроекции. Но является ли это невротическим положением вещей? Ни коим образом! Представим себе, что мы вбираем в себя глоток вина и кусочек хлеба, и при этом представляется, что это тело и кровь Христа. Безусловно, это нечто психотическое. Почему? Во-первых, уже потому, что эти кусочки и глоточки суть не что иное как измельченные бионовские странные объекты (подробно о них ниже), во-вторых, и главное, что выпить, к примеру, глоток вина и при этом представлять, что это чья-то кровь, это элемент психотического мышления. Почему? Представьте себе, что человек говорит, что вот он выпивает глоток вина, и это есть кровь Христа. Такого человека без лишних слов отправят в психушку. (Ситуация Свя-

того Причастия это, в сущности, тоже психотическая вещь, и как таковую ее высмеял Л.Н. Толстой в романе «Воскресение».) А если по существу, то что здесь психотического? Ну, просто даже представление о том, что нечто одно есть нечто другое, уже психотично, если это не метафора. Например. Я беру ручку, которой только что писал, и говорю «Это пенис!» (как в книге Герберта Нюнберга «Основы психоанализа», пациент говорит: «В саду поют пенисы!»). Что же из этого всего следует? Что помимо «обычной» невротической интроекции, выделенной впервые Ференци, существует еще и психотическая интроекция. Прекрасным примером такой психотической интроекции является фрагмент одной из историй болезни, описанной Ясперсом, когда психотик Йозеф Мендель (философ по профессии) интроецирует в свое тело тела великих людей.

Сначала для увеличения его силы Бог переселился в него и вместе с ним весь сверхъестественный мир. Он чувствовал, как Бог проникал в него через ноги. Его ноги охватил зуд. Его мать переселилась. Все гении переселились. Один за другим. Каждый раз он чувствовал на своем собственном лице определенное выражение и по нему узнавал того, кто переселялся в него. Так, он почувствовал, как его лицо приняло выражение лица Достоевского, затем Бонапарта. Одновременно с этим он чувствовал всю их энергию и силу. Пришли Д'Аннунцио, Граббе, Платон. Они маршировали шаг за шагом, как солдаты. <...>. Но Будда не был еще внутри него. Сейчас должна была начаться борьба. Он закричал: «Открыто!» Тотчас же он услышал, как одна из дверей

палаты открылась под ударами топора. Появился Будда. Момент «борьбы или переселения» длился недолго. Будда переселился в него¹.

Или еще более выразительный пример Юджина Минковски, когда пациент убежден, что в его тело кладут отходы всего мира.

Эти идеи вины, разрушения, неминуемого наказания и преследования сопровождалась довольно странными комментариями. Он называл это «политикой остатков» (*politique des restes*) — политической системой, которая была организована специально для охоты за ним. Все отбросы, все отходы со всего мира сохранялись для того, чтобы однажды наполнить его живот. В этот список входило всё без исключения. Когда кто-то курил, оставались сгоревшие спички, пепел, окурки сигарет. После еды это были крошки, испорченные фрукты, кости от курицы, остатки вина или воды на дне бокала. Он говорил, что его злейшим врагом была скорлупа от яиц, — она выражала страшный гнев его преследователей. Когда кто-то шил, то оставались обрывки ниток, обломки иголок. Все спички, нитки, обрывки бумаги и осколки стекла, валявшиеся на улице, предназначались ему. После этого шли остриженные ногти, волосы, пустые бутылки, письма и конверты, билеты на метро, пыль с ботинок, пищевые отходы из домов и ресторанов со всей Франции и т.п. Потом он перечислял гнилые овощи и фрукты, трупы животных и людей, мочу и кал лошадей. Он рассказывал нам: «Когда кто-то говорит о часах, то он говорит о стрелках, шестеренках, пружинах, маятнике и т.п.». И всё это он должен был проглотить. Эти комментарии были бесконечны, в них говорилось обо всем, абсолютно обо всем, что он видел или представлял. Нетрудно понять, что малейшая вещь, самое незаметное действие повседневной жизни немедленно превращались в его врагов. <...> Однажды я неосторожно достал из кармана билет на метро. «Эй, — сказал он, — я еще не думал о билетах». Затем он начал говорить о билетах на поезд, на городской транспорт, на автобус, на метро и т.п. Этот вопрос занимал его несколько дней, потом мой пациент еще несколько раз упоминал эту тему в разговорах. «О, об этом я еще не думал», — повторял он каждый раз, когда ему казалось, что он забыл про ту или иную вещь. Более того, с той же целью он называл все вещи, которые видел вокруг себя, или перечислял все предметы одного класса. Когда упоминались микробы, то он начинал перечислять все их виды, которые знал, — вызывающие бешенство, тиф, холеру, туберкулез и т.п. Всем этим собирались нашить его

внутренности. В другом случае совершенно одинаковым тоном он стал говорить о кислотах — хлористоводородной, серной, щавелевой, уксусной, азотной. Таким способом пациент преследовал недостижимую цель — перебрать все возможные, воображаемые предметы во Вселенной. Как он говорил, «это ведет к бесконечности»².

Последний пример мы назвали более выразительным, так как в нем также задействованы измельченные бионовские странные объекты. Что же получается? Что наша исходная гипотеза, что психоз это когда внутреннее воспринимается как внешнее, а невроз это когда внешнее как внутреннее — неверна? Разберемся. Приведем сначала простой пример того, что мы можем явно назвать психотическим. Скажем, человек видит мертвого отца. Всё правильно, он свой внутренний образ мертвого отца воспринял как нечто внешнее, то есть спроецировал (в нашей терминологии точнее сказать экстраецировал) вовне. Но так ли всё просто? Интроекция и проекция в психоанализе суть механизмы защиты.

Можно поэтому сказать, что сознание защищает себя интроекцией, высказывая «Мне больно» и проекцией «За окном идет дождь». Это не следует понимать в том смысле, что защита от боли имеет место из-за того, что боль неприятна, а дождь, скажем, наводит тоску. Можно представить себе фразы «Мне радостно» и «За окном светит солнце». В этом случае будет работать тот же самый интроективно-проективный механизм. Сознание всегда защищается от реальности, сколь бы привлекательной она ни казалась, потому что реальность фундаментально ненадежна. «Сейчас мне радостно, но через минуту мне может стать больно». «Сейчас светит солнце, но через полчаса может пойти дождь». Мы защищаемся от реальности «на всякий случай». Если верно, что человек всегда хочет назад, в материнскую утробу (теория травмы рождения Отто Ранка), то реальность всегда враждебна человеку, будь она внешней или внутренней.

Материнская грудь может быть «хорошей», но она, как показывает примитивный опыт ребенка, может очень скоро стать плохой, то есть перестать кормить и исчезнуть, и тогда против нее придется предпринимать маневры, связанные с проективной идентификацией и всемогущим контролем, галлюцинаторно разрушать ее как смертельного врага (теория Мелани Кляйн). И, конечно, внутренняя реальность более фундаментальна, чем внешняя. Так для человека гораздо важнее чувство боли и радости, которые он испытывает, чем тот факт,

¹ Ясперс К. Избранные труды по психологии. М., 1996. С. 185.

² Минковски Ю. Случай шизофренической депрессии // Экзистенциальная психиатрия. М., 2001. С. 367.

что за окном идет дождь или светит солнце. Внешняя реальность становится фундаментальной, когда человек сталкивается с ней лицом к лицу. Пока он надежно защищён от дождя стенами своего дома, внешняя реальность ему не так страшна, но стоит ему попасть под дождь, она становится гораздо более фундаментальной. Она в определенном смысле перестает быть внешней и становится внутренней. Это, в частности, проявляется в том, что попавший под дождь перестает воспринимать его аудиально и визуально и начинает его воспринимать, как боль, то есть кинестетически. Выражение «отсутствие тестирования реальности» означает не потерю возможности воспринимать внешнюю реальность и даже не то, что человек начинает путать внешнюю и внутреннюю реальность, а то, что нарушается проективно-интроективный механизм восприятия. Психотик начинает интроецировать внешнее и проецировать внутреннее. Он может сказать: «У меня внутри идет дождь» или «За окном больно». Но это не является смещением внутренней и внешней реальности. Это скорее смещение механизмов восприятия. Например, слезы могут восприниматься психотиком, как дождь, а «За окном больно» он может сказать, когда услышит и почувствует страшный разряд молнии как нечто, что произошло, скажем, в его голове.

Наивно говорить, что психотик путает внутреннее и внешнее или путает различные внешние объекты, например, когда человек не узнает свою мать или наоборот принимает за свою мать чужую женщину или даже мужчину. Когда к Иисусу пришла мать с братьями и ему сказали об этом, он указал на своих учеников и сказал: «Вот мать моя, и вот братья мои». Можно возразить, что Иисус-то как раз и был психотиком, но ведь мы об этом и говорим. Психотик, не узнавший свою мать, тем самым отверг ее подобно тому, как в обыденной жизни говорят: «Ты мне не дочь!». Но ведь не все люди психотики. Для большинства людей внешнее это внешнее, а внутренне это внутреннее. Невротик никогда не скажет: «У меня внутри идет дождь» или «За окном больно» (если только этот человек не поэт). Тем не менее, при невротических расстройствах интроективно-проективный механизм тоже не в порядке. Так, например, при истерии человек может сказать: «У меня сильно болит сердце», однако кардиограмма показывает, что сердце у него совершенно здоровое. Чем отличаются высказывания: «У меня болит сердце» (когда оно на самом деле здоровое) и «У меня внутри идет дождь» (когда большинство людей скажет, что этого не может быть)? Именно тем, что сердце может болеть на самом деле, тогда как дождь внутри человека идти не может. Но это, если придерживаться традиционной модели отношения внутренней и внешней реальности.

Если же придерживаться поздневитгенштейновской модели языковых игр — «все слова поступки», — то дело предстанет совершенно по-другому. Здесь возможны *разные* языковые игры.

- Я меня внутри идет дождь.
- Этот человек — сумасшедший.
- Этот человек — поэт.

*Il pleure dans ton coeur,
Comme il pleut sûr la ville³*

Но ведь он на самом деле так не думает. А как же он думает? Он хочет сказать «У меня на душе тоскливо». Нам скажут: «Вот видите, «Il pleure dans ton coeur» — это просто метафора». Но, во-первых, метафора — это и есть представление внешнего как внутреннего, во всяком случае, в данном случае. И, во вторых, мы слишком легкомысленно относимся к философии метафоры, относя ее только к стихам. «У меня на сердце кошки скребут». И говорящий, и слушающий воспринимают это высказывание не буквально. Оно означает «Мне тоскливо, я подавлен, или у меня нечистая совесть». Но где тот механизм, который делает скребущих кошек эквивалентом тягостного состояния души? Скребущая кошка не похожа на какое-либо внутреннее состояние. Безумие поэта не в том, что он чаще употребляет метафоры, чем это делается в обыденной жизни, а в том, что он демонстрирует их всем людям. Он апеллирует ко всем возможным говорящим. Этим он и уподоблен психотику. Поэт не был бы поэтом, если бы не верил в свои метафоры⁴. Но если может быть пример психотической интроекции, то должны быть примеры невротической проекции (или даже экстраекции). Что это может быть за пример? Я что-то внутреннее воспринимаю как внешне, но это не галлюцинация. Такой пример придумать трудно (может быть, даже невозможно). Попробуем разобраться, почему.

³ Начало стихотворения Верлена. Примерный перевод такой:

*Дождит в моем сердце,
Как над городом идет дождь.
Ср. предельно неточный перевод Пастернака:
И в сердце трава,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?*

⁴ Этот абзац написан под влиянием устной полемики с В.Л. Рабиновичем, за что автор ему очень благодарен.

Подойдем к делу с другой стороны. Возьмем пример с ручкой. Вот я вижу ручку и говорю, что это пенис, а вот я вижу, что это ручка и говорю, что то ручка. Первый пример безусловно психотический, а второй — нормальный. Но как же положение Лакана, в соответствии с которым норма есть хорошо компенсированный психоз. («Нормальный человек с этой точки зрения — это просто благополучный психоз, психоз, хорошо приведенный в гармоническое соответствие с опытом».) Если следовать этому положению, то первый пример, когда я вижу ручку и говорю, что это пенис, к какому случаю его отнести? И так уж ли он парадоксален? Я помню, один ребенок вылепил из пластилина нечто продолговатое и спросил свою маму «Что это такое, как ты думаешь?» «Ну, наверно, это груша!» — сказала мама. «Ты что! Это же пипишка!» Ребенок был наказан непросвещенной матерью. А между тем нам с незапамятных психоаналитических времен известно, что дети всё время думают об эротическом. Ребенок в эдипальном возрасте просто хотел соблазнить свою мамочку. Ну и кто же был этот ребенок — невротик, психотик или нормальный? Он был нормальный в том лакановском смысле, что норма — это «хорошо темперированный психоз». Ну, а что, в сущности, значит эта остроумная лакановская максима? Это значит, по моему мнению, вот что. Психотическое мышление более фундаментально, чем нормальное или невротическое. Например, первобытное мышление было явно психотическим. Ну а можно ли нашего ребенка, который слепил Wiwimacher, назвать невротиком? Попробуем. Но если невротиком, то каким именно невротиком? Истериком? Ну допустим, ведь он символически демонстрирует мамаше своей член (скорее уж эксгибиционистом?). Компульсивным? Явно не компульсивным. Депрессивным? Может, и депрессивным. Если бы у него было всё в порядке, зачем бы ему демонстрировать мамочке свой фаллос? Ну и к чему мы пришли? Вернемся немного назад. Допустим, я вижу ручку и говорю: это ручка. Это как будто пример в высшей степени нормального положения дел. Вот ручка, вот я о ней говорю. Но зачем я о ней говорю? Не есть ли это пример не нормального, а нормопатического положения вещей? С другой стороны, если я держу перед собой ручку и повторяю: это ручка, это ручка, это ручка, — то это даже не компульсивное повторение, а скорее психотическая вербегирация.

Существуют ли вообще нормальные высказывания? Зачем вообще люди говорят? Допустим, я вижу своего друга и говорю ему: вот посмотри, это ручка. Я что — символически приглашаю его к противоестественному акту? Ну хорошо, а если я вижу свою престарелую тетюшку и говорю ей: вот посмотри, какая красивая ручка! Но она не только не может увидеть ручки без очков, но

практически от старости уже нечего не слышит. Где же пример нормального высказывания и нормального положения дел? Я вижу в окне своего отца и говорю: вон мой отец идет. Но потом, через несколько лет, я узнаю, что моим отцом был на самом деле совсем другой человек. Было ли это высказывание нормальным? Зададимся опять вопросом «Зачем люди говорят?». Зачем я сказал: вон мой отец идет. Но ведь если в комнате никого не было я, скорее всего, не сказал бы это вслух, а «подумал вслух», то есть сказал *внутренним* голосом. Ну вот это уже ближе к делу. Внутренним голосом. Я интроецировал увиденного отца. Была ли это невротическая или психотическая интроекция? Истерия? Но кому же демонстрировать, если никого нет. Obsессия? Нет, не obsессия. Депрессия? Нет, не депрессия. Фобия! Он что боится своего отца? Да, конечно, он его боится. Ведь это же эдипальный соперник по любви к мамочке, которая не оценила его фаллический жест. Но фобия, утверждал еще Фрейд, это просто тревожная истерия. Что из этого следует? Что наш мальчик все-таки истерик? Ну хорошо, истерик, а дальше? А дальше вошел папа... В общем, мы не знаем, что было дальше.

Таким образом, нормальных высказываний и положений дел, похоже, не бывает. Что это нам дает для нашей первоначальной гипотезы? А вот что. Что, так или иначе, не бывает такого положения вещей, что нечто является внутренним и только внутренним или внешним и только внешним. Как это?

Тот факт, что не бывает чего-то внутреннего и только внутреннего, вроде бы очевиден. Нечто внутреннее может быть таковым лишь по отношению к чему-то внешнему. Что это означает применительно к разграничению невроза и психоза? Если нет ничего «только внутреннего», это означает, что нет ничего, по отношению к чему не было, повторимся, чего-то внешнего. То есть внутреннее и внешнее связаны между собой соотношением принципиальной координации. Но можно же все-таки сказать: вот это внутреннее, а вот это внешнее. Например, есть внутренние органы, а есть цельный шарик или кубик. Но это рассуждение в духе наивного материализма. Для того чтобы сказать, что есть нечто по существу своему чисто внешнее, например, шарик или кубик, надо понимать, что это *кто-то* сказал или *кто-то* помыслил, что есть нечто внешнее и только внешнее. Это рассуждение в духе расширенного понимания соотношения неопределенностей Гейзенберга, из которого следует, что внешний мир не существует, в сущности, без наблюдателя. А как насчет внутреннего мира? Тем более! Для того чтобы была психика, это должна быть *чья-то* психика. Чего же мы достигли этим рассуждением? Очевидно, того, что в коечном счете не бывает чего-то нормального

и только нормального. Нечто должно быть либо невротическим, либо психотическим. То есть кажущееся внутренним на самом деле является внешним (невроз), а кажущееся внешним на самом деле является внутренним (психоз). Но ведь мы уже вначале говорили, что, если с грехом пополам мы можем себе представить нечто невротическое (да и то с оговорками) — «Царство Божие внутри нас», то чего-то, кажущегося внешним, а на самом деле являющимся внутренним и при этом (что само главное!) не психотическим, представить трудно. Трудно, но все-таки можно. Например, когда Пушкин писал «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток», это было внутренне, представленное как внешнее и при этом не психотическое. И что же дальше? Позволим себе заметить следующее. Разграничение смысла и денотата Фреге соответствует нашему разграничению внутреннего и внешнего, тем более что в терминологии Карнапа смысл соответствует интенционалу (а Потебня называл это еще более очевидно — *внутренней* формой), а денотат — экстенционалу. Но экстенционал не может существовать без интенционала так же, как интенционал не может существовать без экстенционала. Здесь мы подбираемся к сущности психических заболеваний. Например, при депрессии человек разграничивает денотаты, или экстенционалы, но при этом не разграничивает смыслы, или экстенционалы. То есть не то, чтобы он их совсем не разграничивает, но ему нет до них никакого дела. Если его спросить, чем отличается словосочетание «Утренняя Звезда» от словосочетания «Вечерняя Звезда», он, скорее всего, ответит «Ах, оставьте меня в покое, какое мне дело до ваших логико-семантических игр, когда и внутри, и снаружи всё так ужасно!». Здесь чрезвычайно важно подчеркнуть, что для депрессивного всё плохо и даже ужасно как внутри, так и снаружи. Значит ли это, что депрессивный не различает, что внутри, а что снаружи, где смысл, а где денотат? Нет, разумеется, не значит. Это означает нечто другое. Что для него перестают быть существенны смыслы. Для него всё равно, что внутри, что снаружи. Потому что всё плохо и снаружи, и внутри. Но то, что всё плохо внутри, противоречит как будто тому известному факту, что депрессивный склонен с головой зарыться в одеяло, что соответствует его стремлению вернуться в материнскую утробу в теории "травмы рождения" Отто Ранка.

С этой точки зрения, получается, что внутреннее для депрессивного всё же лучше, чем внешнее. (В этом смысле депрессия закономерно толкуется как временная смерть, а ее завершение — как возвращение к жизни, сопровождаемое смехом, то есть как воскресение). Отсюда закономерно постановка вопроса о том, что

депрессия каким-то важным образом соотносится с обрядом инициации. При традиционной инициации человек также должен последовательно претерпеть потери любимых объектов (прежде всего родителей и ближайших родственников), а затем вообще «потерять» весь мир путем удаления в инициационный дом, а потом временно потерять жизнь. При этом одна из распространенных форм обряда инициации состояла в том, что посвящаемый как бы проглатывался чудовищем и вновь им извергался. Вариантом этого поглощения было зашивание посвящаемого в шкуру животного (см., в частности, обширные примеры этого в знаменитой монографии Проппа «Исторические корни волшебной сказки»). Этот мотив также был широко проиллюстрирован Ранком в статье «Миф о рождении героя», в которой приводятся обширные данные о мифологических персонажах, которых после рождения мать закрывает в сосуд, корзину или бочку (ср. «Сказку о царе Салтане» Пушкина) и отправляет его от себя, например, бросает в море. Этот жест, как можно видеть, амбивалентен. С одной стороны, укрытие, сосуд, бочка — всё это символы утробы (море, вода — символы околородных вод), то есть ребёнка как бы возвращают в состояние плода, чтобы он прошел символическое инициационное рождение и стал героем, но в этом жесте есть и другая, противоположная сторона. Мать как бы отбрасывает от себя дитя, тем самым создавая у него комплекс утраты — основу меланхолии. Она как бы моделирует своему ребёнку, говоря в терминах Мелани Кляйн, «депрессивную позицию», которая играет роль инициационного испытания, пройдя через которое герой сможет стать сильным, то есть — и, прежде всего — обходиться без матери. Здесь проясняется связь между инициацией, депрессией, травмой рождения, интроекцией-поглощением собственного Я, историей пророка Ионы и стремлением «обратно в утробу».

Хорошо, всё это очень интересно, но как все-таки обстоит дело с внутренним и внешним при других психических расстройствах? Возьмем обсессивно-компульсивный невроз. Что здесь внутреннее, а что — внешнее? Допустим, компульсивный навязчиво моет руки. Здесь вроде бы ничего внутреннего нет. Но ведь какая-то именно внутренняя сила заставляет его это делать. Особенность этого расстройства заключается в том, что эта сила эго-дистонна, чужда его я. Но она есть. Возьмем другой пример, очень распространенные музыкальные навязчивости, когда помимо воли у компульсивного в голове крутятся обрывки мелодий. Как здесь обстоит дело с внутренним и внешним? Мелодии крутятся у него в голове, но взяты они откуда-то извне, снаружи. Соответствует ли это нашему исходному определению

невроза как такого положения вещей, когда внешнее воспринимается как внутреннее. И да, и нет. Да — в том смысле, что объективно эти обрывки мелодий исходят извне, он когда-то их услышал. Нет — в том смысле, что они крутятся у него в голове, то есть внутри. Конечно, можно возразить, что компульсивные порой совершают и сугубо внешние обряды, например, перед тем, как лечь спать, кладут подушку определенным образом, как в одном из примеров Фрейда. Хорошо, он кладет подушку определенным образом и сам не знает, почему он это делает. Но за этим внешне бессмысленным актом стоит какая-то внутренняя непонятная нам семантика (Фрейд-то разгадал, в чем там было дело, но нам в данном случае это не важно). Нет ничего бессмысленного. То есть нет ничего сугубо внешнего. Означает ли это, что нет ничего сугубо психотического? Но мы это и не утверждали. Мы говорили, что психоз — это когда внутреннее воспринимается как внешнее, не более того. Хорошо, пойдем дальше.

Истерия. Вот человек получает пощечину, этот позорный факт вытесняется в бессознательное (из чего можно сделать немаловажный вывод, что бессознательное мыслится нами как нечто внутреннее, а сознательное как нечто внешнее), потом происходит возвращение вытесненного — истерик вспоминает эту травму — нечто внутреннее переходит в нечто внешнее. Вообще с истерией как будто на первых порах всё более или менее ясно.

Куда сложнее дело обстоит с паранойей, которая находится как бы на границе между компульсией и параноидной шизофренией. Паранойя начинается тогда, когда эго-дистонный навязчивый симптом превращается в эго-синтонную сверхценную идею. При этом сверхценная идея берется извне: на меня все обращают внимание (бред отношения), меня все преследуют (бред преследования), в меня все влюблены (эротомания), моя жена изменяет мне со всеми подряд (бред ревности). Возьмем наиболее прозрачный бред ревности. Здесь имеется налицо проекция. Как правило, паранойяльный ревнивец сам изменяет жене и в виде гиперпроекции обвиняет ее в фантастических изменах. При этом весьма любопытная вещь происходит с паранойяльным семиозисом. Для параноика ревности разграничения смысла и денотата, внутреннего и внешнего существует, но при этом оно искажено до неузнаваемости. Денотатов много, но смысл у них один: каждая вещь, каждое событие означает только одно — измену жены. В этом специфика паранойи. Один смысл — измена. Где находится этот смысл? Смыслу полагается находиться внутри. Но параноик его проецирует. Но он так думает и чувствует, значит и вправду внутри. Но он заблуждается, значит это смысл — не

находится нигде! Не слишком ли это радикальное суждение, что ложные идеи не находятся внутри сознания? Да нет, вроде бы они находятся в нем. Но они находятся в нем в каком-то другом смысле, чем истинные идеи. Приведем пример необходимо истинной идеи: дважды два — четыре. Можно ли про это суждения сказать, что оно находится внутри или снаружи чего-либо? Нет, ни внутри, ни снаружи. Оно трансгредиентно этим понятиям. Здесь мы вплотную упираемся в проблему бионовских странных объектов.

Для странных объектов характерны следующие свойства: (1) они не являются ни сознательными, ни бессознательными; (2) они не являются ни одушевленными, ни неодушевленными; (3) они не являются ни живыми, ни мертвыми; (4) они не являются ни спящими, ни бодрствующими.

Я бы сказал, что контакт с реальностью маскируется преобладающей (в мыслях и поведении пациентов) всемогущественной фантазией, которая стремится разрушить либо реальность, либо стремление ее понять. В результате этого возникает состояние, которое не является ни жизнью, ни смертью⁵

Я сел в кресло, оно перестало поворачиваться, как будто мы две части одной заводной игрушки⁶.

Причудливый роботоподобный синтез физических движений, где пациент и психоаналитик взаимосвязаны как заводная игрушка, соединяет два объекта, хотя эти отношения и лишены жизни⁷.

Мы оба стали безжизненными автоматами⁸.

Пациент, который не способен видеть сны, не может ни заснуть, ни проснуться⁹.

Поскольку он не может видеть ночной кошмар, он не может ни пробудиться, ни уснуть¹⁰.

Его неспособность уснуть или проснуться, быть сознательным или бессознательным¹¹.

Наиболее подходящим местом для появления и функционирования странных объектов является психотическое мышление, то есть так называемый

⁵ Бион У. О галлюцинации // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике: М., 2008. С. 101.

⁶ Бион У. Научение через опыт переживания. М., 2008. С. 121.

⁷ Бион У. Отличие психотической личности от непсихотической // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике: Сб. научных трудов. М., 2008.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Бион У. О галлюцинации // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике: Сб. научных трудов. М., 2008. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же. С. 35.

бредово-галлюцинаторный комплекс. Допустим, человек видит мертвого отца. Галлюцинирующий субъект (он тоже является странным объектом, так как находится внутри агломерата странных фактов). Галлюцинирующим субъект, прежде всего не является ни сознательным, ни бессознательным. Что это значит? С одной стороны, бредящий галлюцинант формально находится в сознании, но лишь формально, так как его сознание и бессознательное меняются местами. С другой стороны, он не является полностью бессознательным, т.к. наиболее существенным свойством бессознательного, по Фрейду, является понятие вытеснения. Что такое психотическое мышление человека, который находится в состоянии ни сознания, ни бессознательного? Он находится в состоянии мифа, то есть в состоянии нейтрализации (ни сознательный, ни бессознательный; ни живой, ни мертвый; ни спящий, ни бодрствующий; ни одушевленный, ни неодушевленный). Основной модальностью при бреде воздействия является эпистемическая, так как шизофренику сообщается при псевдогаллюцинации некая важная для него информация позитивного или негативного свойства. При этом если говорить о негативном воздействии, то оно связано с предшествующим бредом преследования, а позитивная — с последующим терминальным бредом величия. В то же время, для бреда воздействия также характерны и остальные модальности — аксиологическая со знаком плюс или минус (в зависимости от того, негативный или позитивный характер носит соответствующий бред воздействия), деонтика со знаком плюс или минус — шизофренику нечто предписывается — (в зависимости от того же) и алетика (поскольку вся ситуация бреда воздействия) воспринимается им как нечто чудесное, то есть в психологическом плане невозможное. При этом отметим, что для нас важнее всего, что, по-видимому, странные объекты не являются, ни внутренними, ни внешними.

Рассмотрим следующий пример, взятый из книги Рональда Лэинга «Расколотое Я».

Наряду со склонностью воспринимать аспекты собственного бытия как «не-ее», имел место провал в распознавании того, что «объективно» было не-ею, и того, что было ею. Это всего-навсего другой аспект недостатка общей онтологической границы. Она, к примеру, могла ощущать дождь у себя на щеках как свои слезы.

Вильям Блейк в своем описании расщепленных состояний бытия в «Пророческих книгах» описывает склонность стать тем, что воспринимаешь. У Джулии любое восприятие, по-видимому, грозило смешением с объектом. Она проводила большую часть времени,

занимаясь этим затруднением: «Это дождь. Я могла бы быть дождем», «Этот стул... эта стена. Я могла бы быть этой стеной. Для девушки ужасно быть стеной».

По-видимому, любое восприятие угрожало слиянием, а ощущение восприятие ее другим угрожало ей сходным образом. Это означало, что она жила в мире постоянного преследования и ощущала, что делает для других то, что, по ее опасениям, могло случиться с ней. Почти каждый акт восприятия, по-видимому, включал в себя путаницу «я» и «не-я». Почва для такой путаницы была подготовлена тем фактом, что, поскольку более крупные аспекты ее личности частично находились вне ее «я», легко было спутать эти отколотые аспекты своего бытия с другими людьми, например спутать свою «совесть» со своей матерью, а мать — с «совестью».

Любовь поэтому была очень опасна. Вспоминать любимого человека = напоминать его = быть тем же самым. Если она меня любит и вспоминает, она напоминает меня, она — это я. Таким образом, она начала с того, что говорила, что она — моя сестра, моя жена, она была некоей Невестой. Я был жизнью. Она была Невестой Жизни. У нее обнаруживались мои манеры. У нее внутри было Древо Жизни. Она была Древом Жизни¹².

Нас в первую очередь будут интересовать выделенные нами курсивом строки. Девушка, о которой идет речь, пациентка Лэинга Джулия, охарактеризована им как хроническая истеричка. Действительно, отождествление себя со стеной может показаться характерным для кататонического мышления. Кататоник застывает, как стена. Но Джулия не говорит, что она стена, она говорит, что она могла бы стать стеной. Высказывания в сослагательном наклонении не характерны для острых психотиков. Джулия и не была острым психотиком, хотя у нее и бывали кататонические приступы, но скорее не застывания, а возбуждения. Во фразе о стене она как бы примеряет на себе роль кататонички. И всё же — что значит быть стеной? Размышляя над этим высказыванием, я думал, что стена в данном случае олицетворяет девственность. (Джулия и на самом деле была девственна). Мою гипотезу подтвердил Михаил Бойко. Он вспомнил, что это «цитата» из финала «Песни Песней»:

*- Есть у нас сестрица,
у нее еще нету груди,
Что для сестрицы нам сделать,
когда к ней свататься будут?
Была бы она стеной —*

¹² Лэинг Р. Расколотое Я: Антипсихиатрия. М., 1995. С. 181.

*мы бы ее укрепили
серебряными зубцами,
Была бы она дверью –
мы бы ее заградили
кедровой доскою.
- А я - стена,
мои груди, как башни,
Потому он во мне
находит оплот.*

Таким образом, быть стеной это значит быть девственницей, готовой к дефлорации, что подтверждают слова Лэинга о том, что Джулия чувствовала себя его невестой. Далее в приведенной цитате говорится о Дереве Жизни. Поэтому смысл всего высказывания Джулии может быть интерпретирован как стремление пробиться из психотической «недоступности» к жизни и любви (в данном случае любви к своему аналитику). Но это ощущение себя стеной, несомненно, является ощущением себя бионовским странным объектом. То есть ни одушевленным, ни неодушевленным, ни спящим, ни бодрствующим и т.д. И, что очень важно, ни внутренним и ни внешним. Ср. начало цитаты:

Почти каждый акт восприятия, по-видимому, включал в себя путаницу «я» и «не-я». Почва для такой путаницы была подготовлена тем фактом, что, поскольку более крупные аспекты ее личности частично находились вне ее «я», легко было спутать эти отколотые аспекты своего бытия с другими людьми, например спутать свою «совесть» со своей матерью, а мать — с «совестью».

Что происходит, когда девушка может превратиться в стену? Что такое вообще превращение в качестве одного из важных аспектов психотического мышления?

В романе Саши Соколова «Школа для дураков» главный герой мальчик Нимфея «частично», как он сам говорит, превратился в лилию Нимфея Альба, после чего он раздвоился на двух мальчиков, которые на протяжении романа всё время впадают друг с другом в пререкания, и приобрел дар всеслышанья:

Я слышал, как на газонах росла нестриженная трава, как во дворах скрипели детские коляски <...> Я слышал, как где-то далеко, может быть, в другом конце города, слепой человек в черных очках <...> просил идущих мимо перевести его через улицу <...> Я слышал тишину пустых квартир, чьи владельцы ушли на работу <...> Я слышал поцелуи и шепот, и душное дыхание незнакомых мне мужчин и женщин, — то есть с ним происходит нечто вроде того, что произошло с пушкинским пророком — обряд инициации, ритуал посвящения в избранные, в поэты-пророки:

*Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Почему превращения играют столь большую роль при шизофрении? Сознание здесь, согласно психоаналитическим воззрениям, регрессирует к архаическому, первобытному, мифологическому по своей сути сознанию, в котором нет тождества субъекта самому себе, потому что нет еще самого понятия субъекта, «господствует всеобщее оборотничество» (по выражению А.Ф. Лосева), то есть тотальное превращение одного в другое. Но вернемся к Джулии, которая только представляла себе возможность превращения в странный объект, в девушку-стену. Мне представляется, что более всего девушка-стена напоминает такой странный объект психотической постмодернистской философии как тело без органов, которое находится в особом психо-онтологическом пространстве, где, по-видимому вообще нет ни «внутри», ни «снаружи» некий предел психотизации. Концепт «тело без органов» довольно трудно объяснить, как и большинство постмодернистских понятий. Для того чтобы перейти улицу, человеку нужны, прежде всего, ноги и спинная мускулатура, а сердце и печень не нужны. Ср. у Заболоцкого финал стихотворения «Прохожий». Душа прохожего беседует с душой погибшего летчика над его могилой:

*А тело бредет по дороге,
Шагая сквозь тысячи бед,
И горе его, и тревоги
Бегут, как собаки, вослед.*

Ср. с его стихотворением «Прощание с друзьями»:

*Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано разбито,
Где вместо неба лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.*

Разъятие — характерная черта при шизофреническом бредовом «поведении». Странный объекту по Биону — это рамельченные части психики психотика. «Мне было страшно, — писал Кафка отцу, — например, когда ты кричал: «Я разорву тебя на части», хотя я и знал, что ничего ужасного после слов не последует (ребенком я, правда, этого не знал)». В рассказе Кортасара «Менады» (менады — вакханки, разорвавшие на куски Орфея в конце мифа о нем) зрители разрывают

на части тело дирижера после исполнения им Пятой симфонии Бетховена. Плотнику нужны руки, чтобы строгать доску, дровосеку нужны руки и топор, а также ноги, чтобы опираться на них — тогда он сможет рубить. Кстати, одним из примеров делёзовского тела без органов может служить Железный Дровосек из сказки «Волшебник изумрудного города». У Железного Дровосека заговоренный колдуньей топор постепенно отрезал все части тела, а кузнец заменял их постепенно железными, так Дровосек весь стал

железным и, конечно, никаких органов у него не было. Но, прежде всего, у него не было сердца, а он хотел, чтобы оно *было*, ведь он любил женщину. Гудвин сделал ему тряпичное сердце, и Железный Дровосек обрел любовь, обретя единственный орган — функциональный («чтобы добыть из него какой-то полезный труд» (Делёз)), а именно это, как утверждают Делёз и Гваттари — единственный функциональный орган — не система органов (организм) — составляет одно из важнейших сущностей тела без органов.

Список литературы:

1. Бион У. О галлюцинации // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической мифологии с точки зрения психолога: Сб. научных трудов. М., 2008.
2. Бион У. Научение через опыт переживания. М., 2008.
3. Бион У. Отличие психотической личности от непсихотической // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике: Сб. научных трудов. М., 2008.
4. Лэинг Р. Расколотое Я: Антипсихиатрия. М., 1995.
5. Минковски Ю. Случай шизофренической депрессии // Экзистенциальная психология. М., 2001.

References (transliteration):

1. Bion U. O gallyutsinatsii // Idei U.R. Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy mifologii s tochki zreniya psikhologa: Sb. nauchnykh trudov. M., 2008.
2. Bion U. Nauchenie cherez opyt perezhivaniya. M., 2008.
3. Bion U. Otlchie psikhoticheskoy lichnosti ot nepsikhoticheskoy // Idei U.R. Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike: Sb. nauchnykh trudov. M., 2008.
4. Leing R. Raskolotoe Ya: Antipsikhiatriya. M., 1995.
5. Minkovski E. Sluchay shizofrenicheskoy depressii // Ekzistentsial'naya psikhologiya. M., 2001.